

АЛЕКСЕЙ КОМАРОВ

ВОРОБЕЙ

РАССКАЗ

Стеклянные двери скрипнули и выплюнули Сергея в холл первого этажа. По ушам полоснул типичный офисный гул. Визг пылесоса уборщицы, ругань охранников с курьерами, шуршанье банкоматов, гомон клерков, плетущихся к лифтам после перекура. Сергей влился в их поток, вдавил кнопку двадцатого этажа. Лифт бесшумно пополз вверх.

От густой одеколонной вони Сергей чихнул и приготовился кивнуть в ответ на пожелания здоровья, но никто не отреагировал. Сергей шмыгнул носом, поправил галстук. В зеркальной стенке — загорелый мужчина средних лет. Волосы аккуратно залачены на косо́й пробор, ботинки вылизаны до блеска, на запястье сверкающий “Ролекс”, изящный костюм на крепкой фигуре. Идеальный портрет харизматичного лидера.

Месяц назад Сергей получил пост вице-президента крупного банка и за это время вполне освоился в должности. Ему повезло приступить к работе в разгар лета, когда дел не слишком много, и пока он не особо усердствовал. За дверью просторного кабинета Сергей включил кондиционер, повесил пиджак в шкаф и начал просматривать оставленные секретаршей бумаги, но тут же отложил их в сторону. Приятная прохлада расслабляла. К тому же пятница — совсем не рабочее настроение. Сергей откинулся на спинку мягкого кожаного кресла и стал мечтать об отпуске.

В августе он возьмёт две недели. Вообще новых сотрудников не отправляли на отдых так скоро, но ради ценного кадра босс уступил. Света хотела на море,

КОМАРОВ Алексей Константинович родился в 1992 году в Коврове Владимирской области. Окончил школу с золотой медалью и исторический факультет МГУ с красным дипломом. С 2013 года работал кинокритиком в журнале “Rolling Stone”. Писал для таких изданий, как “Empire”, “Hollywood Reporter”, “Time Out”, “Мир фантастики”. Опубликовал четыре рассказа в литературном журнале “Нева”. Живёт в Москве. В “Нашем современнике” публикуется впервые.

а молодой жене разве откажешь? Сергей с нежностью посмотрел на свадебную фотографию возле монитора. Она затесалась между телефоном, карликовым кактусом, вазой с конфетами и фарфоровой статуэткой дракончика из Китая. Света в платье, он в смокинге, белые розы осыпают их снежным фейерверком.

Два года позади, а он сделал ей предложение будто вчера. Выложил состояние за кольцо с бриллиантом от “Тиффани”, но оно того стоило. Глаза Светы вспыхнули от восторга, она бросилась ему на шею и шепнула “да”. Потом они долго любили друг друга в бархатной темноте его квартиры на Волхонке. И утром он проснулся в уверенности, что союз многообещающей модели и успешного финансиста обречён стать воплощением гармонии.

Сытую безоблачность их существования озаряло солнце достатка и благополучия. Они ездили на BMW, летали в Европу, одевались в дорогих магазинах и жили ради удовольствий. Их мир не знал нужды и голода, закусовых и секунд-хендов, толкотни в метро и сбережений на чёрный день. Происходящее за пределами их царственного микрокосмоса они предпочитали игнорировать. Поэтому, когда по телевизору заводи́ли разговор о голодающих детях или экологических катастрофах, Сергей немедленно выключал звук.

Прошлое не терзало, будущее не тревожило. Их со Светой настоящее — вот что действительно важно. Завести ребёнка молодожёны не успели, родственников у Сергея не осталось, и он без задней мысли купался в самодовольном сибаритстве, причём самодовольство казалось ему достоинством. Находиться в согласии со своей личностью — залог душевного равновесия, которым устлана позолоченная дорога к счастью.

— Не спи, замёрзнешь! — как обычно, без стука в кабинет влетел Мишка. Вообще-то Сергей был начальником, но иерархия не влияла на лихое Мишкино панибратство. Сергеем нравился этот упитанный мужичок, на пару лет его старше, светливый, энергичный, с лоснящимся лицом, в распахнутой рубашке. Мишка — лучший аналитик в их штате, образованный, мозговитый, но не унылый зануда, а интеллектурал с прекрасным юмором и редким качеством, метко названным французами *joie de vivre*, — любовью к жизни во всех проявлениях.

— Салют, Михаил, — перегнувшись через стол, Сергей протянул приятелю руку. Мишка плюхнулся в кресло напротив, взял из вазочки карамельку, подкинул, поймал ртом и принялся громко хрустеть.

— Изводишь себя непосильным трудом? — Мишка иронично щёлкнул пальцем по груде документов.

— Какое там, — Сергей зевнул. — Я сегодня не в настроении.

— Не выспался, что ли?

— Со Светкой выписься. Женись на двадцатилетней, перестанешь задавать дурацкие вопросы.

— Женюсь?! Не надейся. Им не отнять нашу свободу!

— Паршивый из тебя Мэл Гибсон. Ладно, холостяцкая душа. Не хочешь перекусить?

— Я не против. Мы ж до сих пор не опробовали тот ресторанчик, как его... “Свинья и гусь”?

— “Кабан и утка”.

Сергей рассмеялся. Одна из приятных Мишкиных черт — умение разрядить обстановку шуткой. Не обязательно меткой. Даже если он не попадал в цель, дружелюбие сглаживало неловкость. В этот раз, правда, его остроты выглядели чуть вымученными, а по румяной физиономии пробегало облачко беспокойства. Неисправимого оптимиста окутала странная задумчивость. “Надо разобраться, — отметил Сергей. — Позже”. Он подмигнул пачке бумаг и вслед за Мишкой поспешил на улицу.

Со стороны они смахивали на персонажей комедийного фильма. Один — высокий, атлетичный, шагал широко и пружинисто; и смешно семенял за ним другой, низкорослый и пухлый. Мишка трещал без умолку, сыпал анекдотами, травил байки, каждая нелепее предыдущей. Но за безудержным словоблудием таились мысли, которыми Мишка явно намеревался поделиться. Он лавировал окольными тропами, усыплял бдительность Сергея в поисках шанса для признания. Долго ждать не пришлось.

По пути им встретился крошечный скверик. В центре истекал хилыми струйками фонтан, по краям, в окружении чахлах ёлок, — лавчонки. Не больно живописное место. Сергей мог бы миновать его, не отрываясь от телефона. Но в тот день внимание привлекла необычная деталь.

Точнее, Сергея привлек стул. Заурядный, неказистый деревянный стул с кривыми ножками и продавленной спинкой, неведь откуда взявшийся у фонтана. Таких стульев полно в провинциальных больницах и школах, и Сергей справедливо считал их рухлядью. Но этот отличался от остальных.

Он был завален цветами. Охапки цветов громоздились на стуле, под стулом, по бокам, букетами и отдельными ветками, купленными в магазинах, сорванными в садах, привезёнными с дачи. Розы, гвоздики, астры, тюльпаны, пионы, ромашки... Стул обернулся клумбой, пёстрой, яркой, благоухающей.

Ещё больше Сергея поразили люди. Они подходили, кланялись стулу, гладили спинку, словно приветствовали закадычного друга, замирали в почтительном молчании.

— Что за цветник? — воскликнул Сергей.

Мишка умолк и обмяк, капля пота слезой скатилась по щеке.

— Ты чего? Перегрелся?

— Нет, — прохрипел Мишка. — Давай сядем.

Ресторан прямо за сквером. Они поднялись на веранду: столик под тентом, два диванчика. Официант выгнулся вопросительным знаком.

— Мне овощной салат, — сказал Сергей, — и, пожалуй, мартини. Не рано, как думаете?

Официант подобострастно улыбнулся. Желание клиента — закон.

— Вы что-нибудь закажете? — Мишке. Тот, сторбившись, смотрел перед собой.

— Водки.

Сергей изумлённо вытаращился на него. Для этого уж точно рановато. Одно дело — мартини, баловство, а водка на жаре... Перебор!

Официант вернулся с напитками. Сергей пригубил ледяной мартини, удовлетворённо вздохнул. Мишка хлопнул стопку, крикнул, попросил ещё.

— Может, закуску возьмёшь?

— Он умер, Серёга, — пробормотал Мишка. — Умер.

— Ты о чем? Кто умер?

— Дед-воробей.

— Воробей? Тебя уже размазало?

— Если бы. Слушай, Сергей. Наши не воспринимают меня всерьёз. Я для них клоун, мастер приколов...

— Брось, Миш. Я уважаю в тебе и человека, и профессионала.

— Не уважаешь, а терпишь. Потому что я забавный и быстро соображаю.

— Ну... — Сергей замялся, отхлебнул мартини, поперхнулся и закашлялся.

— Сейчас будет ещё одна история. Теперь правдивая. Пожалуйста, не перебивай. Она много для меня значит. Возможно, ты поймёшь, почему. Не представляю, с кем, кроме тебя, могу поговорить.

И таким одиноким показался Мишка Сергею в тот момент — жидкие прядки волос нелепо прилипли к черепу, пятна пота подмышками, порез от бритвы на подбородке, — что он вздрогнул от внезапной жалости и поклялся проявить снисхождение. Официант в третий раз наполнил рюмку, оставил на столе бутылку и добавил блюдце солёных орешков. Затем принёс салат.

— Я работаю в нашем банке дольше тебя, — начал Мишка. — Стажировался студентом, после выпуска устроился клерком. Со временем дорос до аналитика. Видимо, таков мой предел.

— Пределов не существует, — возразил Сергей, — твоя судьба в твоих руках.

— Не перебивай, — повторил Мишка. — Я каждый день ходил этой дорогой. От метро на работу и обратно. Тогда здесь не было ресторана, я пересекал сквер и шёл дальше. А в сквере, на том стуле, по вечерам сидел дедуля с балаалайкой. Маленький, сморщенный, возрастом чуток за семьдесят. Сразу напомнил мне нахохлившегося воробья.

— В каком году ты сюда устроился?

— Десять лет назад, Серёга. Через неделю исполнится ровно десять лет. Приезжая сюда, я постоянно наталкивался на деда. И не обращал внимания. На новой работе из штанов выпрыгиваешь, чтоб угодить руководству, в конце дня без сил ковляешь домой. Старческое бречание на балалайке тебя не колышет. Да и остальным начхать. Им лишь бы срулить из офиса и отрубиться в своей берлоге. А наутро опять по тем же рельсам, суматоха рабочих будней, и скука кругом, грёбаная беспросветная хандра...

Сергей ел и с удивлением слушал Мишку. Нет, он несколько не сомневался в его красноречии, но впервые тот не прикидывался шутком, не пытался угодить или рассмешить. Он изливал душу. Честно, страстно, без пошлости и бульварщины. Сергей не до конца понимал, как реагировать на эту исповедь, но знал одно: нужно дать Мишке высказаться.

Официант освежил мартини. Мишка бахнул очередную стопку, отправил в рот горсть орехов, проглотил, почти не жуя.

— А однажды в октябре мой поезд сошёл с рельсов. Мы шли на корпоративе. Ливень шарашил. Я надрался. Коллеги пытались отправить меня домой на такси, а я решил прогуляться до метро. Мигом промок, конечно, но не расстроился, наоборот. Дождь смывал уныние, очищал от налёта апатии. Я сбрасывал прежнюю кожу и превращался в нового человека, любопытного и неравнодушного. Этот человек не прятался под скорлупой от мира, но жаждал принять его вызовы, постичь тайны, насладиться мимолётной прелестью его даров. Вот что значит жить! Идти куда глаза глядят, потешаться над скачущими по лужам прохожими с изломанными ветром зонтами, ловить ртом капли, мурлыкать Синатру... В хмурую погоду наш муравейник кипит сильнее обычного. Всем не терпится распознать по тёплым гнёздам. Я же брёл неторопливо и напоминал себе инопланетянина, познающего ритмы города. А вторым инопланетянином был дед. Укрытый массивным чёрным зонтом, будто крыльями громадной птицы, он лабал на балалайке, напевал тихим, надтреснутым голоском. Небо зигзагами полосовали молнии, а он плевал и на них, и на грозу. Перед ним на пошптре — тетрадка, мятые странички едва ли не в труху истлели от древности. Бусинки аккуратного почерка складывались в тексты песен. Дед старый, и тетрадка старая, и всё на нём старое: кепчонка с понуро обвислым козырьком, латаные джинсы, грязные ботинки с побитыми носами. Балалайка в царапинах да вмятинах. А звучала чисто и мелодично. Негромко вторила шёпоту воды. Она заливала зонт, но не деда, он точно заколдовал её, подобно сказочному дудочнику. И так же мимо шли люди. Дед казался им призраком, существом из иной реальности. Поэтому он очень удивился, когда я заглянул под зонт и пожелал ему доброго вечера.

— И вам доброго вечера, юноша, — отозвался дед.

— Послушайте, — продолжил я, — а можно с вами спеть? Я заплачу.

На дне бесформенной хозяйственной сумки блестела мелочишка. Я собрался опустить в копилку тысячную бумажку, но он отстранил мою руку.

— Я не грабитель. У пьяных денег не беру.

— Да мне не жалко. Рад поддержать музыканта.

После секундного колебания — для деда наверняка солидная сумма, кормила бы его несколько дней — он мотнул головой.

— Если не хотите обидеть, больше не предлагайте. Желаете спеть — споём просто так.

Я пожал плечами, спрятал купюру и задумался над выбором композиции. Вообще-то я обратился к нему со столь странным предложением спонтанно, повинувшись вновь обрётённой свободе слова и выбора. Последствия меня не смущали. Но какую песню предложить? Кобзона? “Аквариум” с “Наутилусом”? Вряд ли они из дедова репертуара. Я зажмурился, и тут сквозь туманную дымку далёкого прошлого донеслась полузабытая мелодия из славного советского кинофильма. Я вспомнил отца, его прокуренный свитер и колбочие щёки, сирень за окном, мамину улыбку, горсть малины в тёплой шершавости бабушкиных ладоней, вспомнил всю семью нашу — один я от неё остался — и редкие выходные, проведённые нами вместе на закате безмятежного детства.

— Когда весна придёт — не знаю, — начал я, — пройдут дожди, сойдут снега...

— ...но ты мне, улица родная, и в непогоду дорога.

Дед подхватил знакомый мотив, зазвенела балалайка. Сквер затопило, я продрог и перепутал куплеты, но дед помогал, подстраивался, и по щекам моим бегали слёзы неземного, абсолютного счастья. Небеса бесновались, пылали, вскипали, но Армагеддон пощадил нас, мы — последние на планете живые души, и клянусь тебе, Серёга, я ни разу не ощущал такого восторга, такой простой и бесконечной радости!..

Мишка дрожал и сосредоточенно изучал землю за оградой веранды, где голуби петляли меж окурков и клевали шелуху от семечек. Сергей взволнованно ждал окончания истории.

— Следующим вечером я опять поздоровался с дедом. А он зыркнул недоумённо и отвернулся. Притворился, что не узнал. Может, и правда запамятовал, кто ж разберёт. Одному Богу известно, сколько людей заговаривают с ним, скрашивают одиночество. Вероятно, я был не единственным его собеседником. Пусть и хотел в это верить.

Отточенным движением Мишка плеснул водки. Бокал из-под мартини давно опустел, официант куда-то запропастился, и Сергей подлил себе из бутылки. Они выпили, не чокаясь. Мишка достал сигареты, судорожно зачиркал зажигалкой. Сергей прикинул ему и понял: финал близок.

— В общем, больше я деда не донимал. Задерживался иногда, стоял в сторонке. Часть песен я знал. Часть — нет. Полагаю, он сам сочинял их. Песни о добре. Любви. Храбрых мужчинах и верных женщинах. О том, что всё будет хорошо. Для меня дед стал кем-то вроде ангела-хранителя этих мест. А его слабый голосок, треньканье корявых пальцев по струнам олицетворяли неиссякаемую надежду, свет, жизнь. Победу над злом. Время шло. Менялась мода, менялась Москва, я тоже менялся. Одно оставалось нетронутым. Дед-воробей с балалайкой. Постепенно он превратился в столь же неотъемлемый элемент ландшафта, как дома, деревья и фонарные столбы. Я привык к нему, вновь перестал замечать. Наваливались заботы, реже находилась минутка, чтобы задуматься, прислушаться. Ты, Серёга, появился. Наконец я мог с кем-то поговорить по душам. Я горд называть тебя товарищем. В общем, всё вроде налаживалось. Обывательское болото поглотило меня, а я и не сопротивлялся. Тонул да радовался. Но вчера... Вдруг под ложечкой неуютно кольнуло. Что-то явно было не так. Я не понимал, что именно. Но затем осенило. На стуле никого. Впервые за долгие годы дед пропустил концерт. Но я не подумал плохого. Мало ли, может, попозже придёт. А сегодня всё прояснилось. Цветы я издалека увидел. И понял: деда-воробья больше нет. Конечно, я был потрясён. Я считал его вечным. Но сквозь боль просочилось удивление. Выброшенная подземкой толпа внезапно расслоилась. Сменив направление, плотная группа двинулась в сквер. Они по очереди подходили к стулу, стояли рядом, исчезали, освобождая место другим. И возвращались с цветами. Часа два я наблюдал за молчаливой церемонией. Даже на работу опоздал. Получается, дед-воробей не был невидимкой! И я не единственный, кто его ценит! Мы слепы, Серёга. Глупы и слепы. Зачем так упорно замыкаться в своих раковинах? Почему при жизни деда ему не пожимали руку, не хлопали по плечу, не произносили ободряющих слов? Хотя, наверное, пожимали... Я не из внимательных. Мне гордиться нечем. Воробья всё равно не вернуть.

— Давай вмешаемся, чтоб его не забыли! — воскликнул Сергей. От жары и алкоголя он захмелел, расплывчатый образ деда пульсировал в раскалённой голове. — Можно заказать памятник или табличку. Люди должны знать...

— Не уверен, что эта идея пришлась бы ему по вкусу, — грустно ответил Мишка. — Он жил незаметно. Пел незаметно. Незаметно и умер. Кто встречал его — не забудет. А кто не успел... Есть храмы, куда каждый может зайти и побыть наедине с Богом. И есть крестик на груди. Он только тебе светит во тьме. Так вот, дед-воробей — не храм. Он крестик.

Сергей не нашёл аргументов для продолжения спора. Да и спорить-то, в сущности, не о чём. Последняя фраза повисла в пустоте, среди запахов еды, табака и духов девушки, проскользнувшей у их столика. Сергей проводил её взглядом. Белоснежная юбка волнами порхала вокруг стройных ног, на обнажённой шее извивалось тату крохотной змейки. Вдруг она остановилась и пошла

обратно. Засекла, как он пялился? Приблизилась. Сергей нацепил дежурную ухмылку, но она прошла мимо. Сергей закрыл рот. Обернулся. Девушка наклонилась, пошарила по полу, выпрямилась и убрала в сумку забытый кошелек.

Когда она удалилась, удалилась безвозвратно, невыразимая тоска острыми клыками впиалась в сердце Сергея. Ему смертельно захотелось обнять Свету, прижать и не отпускать ни на секунду. Он окликнул официанта. Расплатился. Вызвал такси. Мишкин рассказ и девушка из ресторана слились в сознании Сергея в единый символ разбитых иллюзий, потерянного рая. Кому нужны деньги, статус, карьера? Уйдёт он, и что останется?..

— Погнал, Серёга?

— Да, Миш. Ты сиди, если хочешь. День ни к черту.

— Я посижу. Подожду... подожду, пока смогу с дедом попрощаться. Не при всех. Понимаешь?

— Понимаю. Ну, бывай. Моя машина подъехала.

Сергей неуклюже погрузился в канареечный фордик и покатил домой. Дожевав орешки, Мишка нетвёрдой походкой побрёл в сквер. Стульчик в цветах, вокруг ни души. Мишка шатался, пыхтел, старался выдавить правильные слова, но ничего не надумал. Он повернулся и поплёлся к метро.

А на следующее утро количество цветов уменьшилось вдвое. То ли ветер разметал, то ли стащил кто — трудно сказать. Ещё через пару дней их вовсе не осталось. Скоро пропал и сам стул.

Сергей улетел в отпуск. Под пальмами Майорки тень деда-воробья отступила и растаяла. Мишка же тихонько благодарил его всякий раз, заглядывая в сквер, то есть пять дней в неделю. А потом их офис перекочевал в другую часть Москвы, и вдали от сквера Мишка тоже позабыл, что дед существовал. Стерлись черты лица, затуманился образ.

Спустя несколько месяцев деловая встреча вернула Мишку в бывший район его работы. Он окончательно погряз в трясине банковской рутины, зато в кои-то веки поднялся по службе и разжился собственным автомобилем. Прекратив передвигаться пешком, он почти не пересекался с уличными музыкантами.

Встреча прошла успешно. Мишка повёл партнёра в “Кабана и утку” отметить завершение переговоров. Он остепенился, реже болтал и зубоскалил. Положение обязывало. Но в сквере, ничуть не изменившемся, только гуще заросшем деревьями, Мишку ошпарило. У фонтана он увидел стул, а на стуле кто-то сидел.

Память швырнула Мишку назад. К брызгам дождя на щеке, ручейкам в кроссовках, весеннему чириканью балалайки. К лазурным озерцам на морщинистом личике, с добродушно-лукавым прищуром созерцавшем бренность мира. Нет, не ожил дед-воробей. Но на миг, дивный, восхитительный миг он возник перед Мишкой в сиянии радуги и в знак приветствия приподнял козырёк потрёпанной кепочки. Он ещё здесь. И пребудет вовек.

На стуле спал бож. Лишкая струйка слюны стекала изо рта. Грязный плед сползал с коленей на асфальт. На мгновение в Мишке вскипела ярость. Встряхнуть бы его и заорать в немытое ухо: скотина, не смей сидеть на священном месте деда-воробья! Но никого он, конечно, не затряс. Стоял и смотрел.

— Вы в порядке, Михаил? Что-то случилось?

— Нет-нет, всё нормально. Просто вспомнил... Одного человека.

— Неужели? Какого человека?

— Хорошего. Таких теперь нет.

— Может, расскажете?

Мишка покосился на спутника. По розовым бритым щекам молнией полоснула улыбка. Одновременно озорная — выдававшая Мишку прежнего, весельчака и балагура. И печальная — напоминавшая о том, кем он стал. Мишка достал сигарету. Зажигалка тухла на ветру. Спутник подсушегился, вжикнул блестящим “зиппо”. Как и Сергей в тот день. День, когда все несли цветы...

— Ну же, Михаил! Расскажите о нём!

Мишка затанулся. Выдохнул струйку дыма в разрумяненное закатом небо. Осторожно поправил бродяжке плед.

И решил, что больше не забудет.

— Расскажу. Почему бы и нет?